

Архимандрит Августин (Никитин)

РУССКОЕ ПАТРИАРШЕСТВО В ЗАПИСКАХ НЕМЕЦКИХ ПОСЛАННИКОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1989 г. исполнилось 400 лет со времени установления патриаршества на Руси. Это важное событие в жизни Русской православной церкви широко освещено в отечественной литературе. На основании обширного круга источников — летописей, грамот, актов и др. — довольно полно представлен первый период патриаршества в России (1589—1700), вплоть до его отмены в Синодальный период (с 1721 г.). Но существует целый ряд исторических документов, которые обогащают и дополняют традиционное восприятие церковных событий тех времен. Речь пойдет о трактатах, мемуарах, исторических хрониках и кратких записках, которые составлены иностранцами, бывавшими в России. Ценность этих источников состоит в том, что они, как правило, принадлежат перу современников и очевидцев описываемых событий. И одно из самых важных мест в этом ряду занимают записки немецких авторов.

РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ В ПЕРИОД АВТОКЕФАЛИИ (1448—1589)

К 1448 г. относится поставление Собором русских архиереев епископа Рязанского Ионы на кафедру митрополита Московского и всея России, положившее начало автокефальному бытию Русской православной церкви (1448—1589). Интересные сведения об административном устройстве Русской церкви того времени имеются в записках немецкого посланника Генриха Штадена — выходца из Вестфалии. Он побывал в Москве при митрополите Филиппе (1566—1568), т.е. еще в эпоху, предшествовавшую установлению патриаршества в России. В записках Штадена перечисляются все епископы, возглавля-

вшие тогда русские епархии: «Митрополит Филипп с его епископами: Казанским и Астраханским, Рязанским, Владимирским, Вологодским, Ростовским и Суздальским, Тверским, Полоцким, Новгородским, Нижегородским, Псковским и в Лифляндии Дерптским»¹.

Штаден упоминает также и о чине «хождения на осляти», совершавшемся в Вербное воскресенье — праздник входа Господня в Иерусалим. «Все епископы ежегодно должны являться в Москву на митрополичий выезд в Вербную субботу; потом все монастыри монахи и попы соборные, т.е. те, которые входят в Совет», — писал Штаден, приводя затем более подробные сведения об этом действе: «На площади под Кремлем стояла круглая церковь (собор Покрова на Рву — церковь Василия Блаженного. — *а. А.*) с переходами; постройка была красива изнутри и над первым переходом расписана многочисленными священными изображениями, изукрашенными золотом, драгоценными камнями, жемчугом и серебром. Митрополичий выезд со всеми епископами на Вербную субботу происходил ежегодно именно к этому храму»².

К этому времени Русская церковь была самой могущественной на православном Востоке, в то время как Константинопольский патриархат уже более ста лет находился под турецким гнетом. И хотя в 1448 г. Русская церковь стала автокефальной, тем не менее она сохраняла свою номинальную зависимость от Константинополя. Вот как оценивал тогдашнюю ситуацию Иоганн Готгильд Фоккеродт, секретарь Королевского прусского посольства, побывавший в России в начале XVIII в.: «Т.к. константинопольские проповедники христианской веры ввели эту веру в Россию, эта страна и подчинена была тамошнему патриаршеству в духовных делах до XVI в. Митрополит всей России, который сначала имел свое местопребывание в Киеве, а потом в Москве и которому подчинены были все русские епископы, иногда избирался этими последними, а иногда назначался великими князьями и царями, но всегда должен был получать утверждение от Константинопольского патриарха»³.

УСТАНОВЛЕНИЕ ПАТРИАРШЕСТВА (1589)

Патриарх Иов (1589—1605). С усилением могущества Российского государства и ростом авторитета Русской церкви во всем православном мире на Руси получила широкое развитие идея учреждения Московского патриаршего престола. Русское духовенство, находившееся в зависимости от Константинопольского патриарха, не получало от

него реальной поддержки в своей борьбе по защите церковных интересов от посягательств царской власти. По словам И.Г. Фоккеродта, «невыгодно было для русского духовенства уважение к такому главе, который не имел ни воли, ни силы защищать их от государя, да еще при всяком случае и выдавал их ему. Это заставило духовных думать о средствах, как бы избавиться от этого чужеземного бича и добыть себе верховного вождя в своем Отечестве, имеющего общие с ними выгоды и по собственным делам принужденного действовать заодно с ними против государя»⁴.

23 января 1589 г. Собор русских иерархов при участии святейшего патриарха Константинопольского Иеремии II избрал митрополита Московского Иова патриархом Московским и всея Руси. 26 января была совершена патриаршая интронизация по составленному подробному чину возведения на патриарший престол⁵.

Современником патриарха Иова (1589–1605) был Мартин (Михаил) Шиле — посланник императора Рудольфа II (1576–1612). 9 июля 1598 г. он был отправлен в Москву с поздравлением к Борису Федоровичу Годунову, только что вступившему на царский престол. В своих записках Шиле отметил, что бездетный царь Федор Иоаннович (1584–1598) перед своей кончиной «передал и приказал правление всей страной своей любезной супруге Ирине и духовному патриарху (Иову. — *а. А.*), заведывающему вероисповеданием»⁶.

О высоком авторитете патриарха Иова свидетельствовало его участие в праздновании Новолетия, и М. Шиле не преминул отметить это в своих записках. «11 сентября, по новому счислению (1 сентября по ст.ст. (1598 г.). — *а. А.*), когда русские празднуют свой Новый год, патриарх с золотым крестом в руках давал в Кремле благословение царю Борису Феодоровичу и поздравлял его с венчанием на царство в присутствии всего народа»⁷, — сообщал немецкий посланник.

Последние годы служения патриарха Иова пришлось на период тяжелых для русской земли испытаний — началась польско-литовская интервенция. Святейший патриарх горячо выступал против захватчиков — рассылал грамоты, призывая русский народ защищать православную веру и родину. 10 июня 1605 г. патриарх Иов был низложен Лжедмитрием, сослан в Старицкий монастырь Тверской епархии, где и скончался 8 марта 1607 г. Место погребения патриарха Иова пользовалось большим почитанием среди русских верующих. Одним из инославных христиан, который смог побывать у гробницы великого святителя, был брауншвейгский резидент Вебер, посетивший Крем-

левский Успенский собор в 1716 г. «Это просторное, древнее и чрезвычайно прочно сооруженное каменное здание, — писал он. — Против самого алтаря и в шести шагах от него, на правой руке, находится царский, а на левой — патриарший стул. В этой главной церкви покоятся весьма чтимые русские святые: Иов, Антоний и Филипп, в каменных гробницах, обнесенных железными решетками»⁸.

Патриарх Ермоген (1606—1612). 3 июля 1606 г. на патриарший престол был возведен святейший патриарх Ермоген. Возведение митрополита Ермогена на патриарший престол состоялось в годы Смутного времени. Незадолго до поставления Ермогена в патриархи, 17 мая 1606 г. в Москве вспыхнуло восстание, Лжедмитрий I был убит и к власти пришел Василий Шуйский. 1 июня 1606 г. он венчался на царство.

Находясь под иноземным гнетом, патриарх Ермоген не пошел на попрание национальных интересов России: многими посланиями он воодушевлял народ на освобождение родины от польско-литовских захватчиков. В условиях Смутного времени, накануне своего пленения поляками, патриарх Ермоген, тем не менее, смог участвовать в торжественном чине «хождения на осляти». Вот как объясняет это Конрад Буссов, уроженец немецкого Люнебургского княжества, очевидец польско-литовской интервенции в России, живший в Москве с 1601 по 1611 г. Описывая церковное шествие в праздник Вербного воскресенья, он сообщает: «Для участия в этом празднестве стекаются бесчисленные тысячи людей. Все, что только может двигаться, отправляется туда... Поскольку, однако, из-за запрещения этого праздника (поляками. — *а. А.*) народ еще больше озлобился и получил повод говорить, что лучше умереть всем, чем отказаться от празднования этого дня, то им разрешили праздновать его, только вместо царя⁹ пришлось одному из знатных московитских вельмож Андрею Гундорову вести под узды осла (патриарха, сидящего на осле) до Иерусалимской церкви»¹⁰.

Более девяти месяцев томился патриарх Ермоген в заточении и 17 февраля 1612 г. скончался от голода. Тело священномученика Ермогена было погребено в Чудовом монастыре, а в 1654 г. перенесено в Успенский собор Московского Кремля. Прославление патриарха Ермогена в лике святых было совершено 12 мая 1913 г.

Патриарх Филарет (1619—1633). После семи лет междупатриаршества (1612—1619) 27 июня 1619 г. Собором русских иерархов при участии патриарха Иерусалимского Феофана на престол Московский

был поставлен митрополит Ростовский Филарет (в миру Федор Никитич Романов) — отец русского царя Михаила Федоровича (1613–1645)¹¹.

Сведения о патриархе Филарете имеются в книге И.Г. Фоккеродта, секретаря Королевского прусского посольства, который по своему должностному положению в течение ряда лет, вплоть до кончины Петра I (1725), имел возможность знакомиться с русским религиозным бытом, хорошо владея русским языком. Но в данном случае прусский посланник не совсем объективно отзываясь о стиле правления русского первосвященника: по словам Фоккеродта, патриарх Филарет «умел превосходно воспользоваться уважением, которое доставил ему сан его суеверного народа... так что он один завладел опекой над сыном и удержал ее в своих руках на все время своей жизни. В этом качестве он самовластно распоряжался всеми делами: сбыв с рук под разными предлогами республиканские умы, и ничего больше не оставил Собору, кроме чести одобрять его меры и распоряжения»¹².

При патриархе Филарете были образованы Патриаршие приказы: 1) Судный; 2) Приказ церковных дел; 3) Казенный, ведавший сборами с духовенства; 4) Дворцовый, заведовавший церковным хозяйством. Это свидетельствовало об активной административной деятельности московского первосвященника. Для Фоккеродта, писавшего о русских патриархах, это дало повод снова говорить о властном характере Филарета. Сначала он отмечает, что «для духовенства, по видимому, настала благоприятная минута, когда, по утишении смут, поднятых в России Лжедмитриями и поляками, избран был сын епископа Ростовского Михаил Федорович Романов в цари, а епископ Филарет — в патриархи»¹³.

Но далее прусский посланник остается верным своему стилю и возвращается к излюбленной концепции: «Эта духовная особа, при многих других великих качествах обладавшая в то же время неограниченным властолюбием, сумела так воспользоваться отеческой властью над сыном, что во всем царстве правила неограниченно всем и не оставляла ничего для управления молодому царю, кроме одного только имени, — писал немецкий автор. — Так же, как и сын, Филарет носил титул Великого государя, с той незначительной разницей, которую по-немецки совсем нельзя и выразить, а по-французски она по нужде может быть выражена словами “Grand Seigneur, Великий государь” и “Grand Seiur, Великий господин”. У него были свои бояре или государственные министры и все другие придворные служители,

какие обыкновенно бывают при царском дворе; он даже отправлял от своего имени посланников к Польской республике и Константинопольскому патриарху»¹⁴.

Пользуясь большой властью, патриарх Филарет делал многое для благоустройства церковных дел. При Чудовом монастыре его трудами было учреждено греко-латинское училище. Он заботился об устройении типографии, положил начало знаменитой Типографской библиотеке. Патриарх Филарет ревностно сохранял чистоту православия, провел реформу церковной администрации, расширял печатание богослужебных книг, поднимал нравственность народа.

Патриарх Иоасаф (1634–1640). 1 октября 1633 г. патриарх Филарет скончался. Перед кончиной он избрал своим преемником архиепископа Псковского Иоасафа, отличавшегося глубоким благочестием, кротостью и смирением. 6 февраля 1634 г. архиепископ Иоасаф был возведен на престол патриархов Московских и всея России.

Для описания церковных традиций русского народа в годы правления патриарха Иоасафа I большое значение имеет книга Адама Олеария. Из всех иностранных изданий XVII в., посвященных России, сочинение Олеария — самое знаменитое и богатое по содержанию. Немецкий путешественник Олеарий (1599–1671) латинизировал свою фамилию Oelschlager; он происходил из Саксонии, служил в нижне-немецкой Голштинии и был женат на эстляндской уроженке¹⁵. В первый раз он отправился в Россию в октябре 1633 г. в составе посольства к великому князю Михаилу Федоровичу.

В Москву Олеарий прибыл в 1634 г.; его первое пребывание в России пришлось на годы правления патриарха Иоасафа I. Как и другие иностранные авторы, писавшие о России, Олеарий в своей книге уделил внимание церковным праздникам, связанным с торжественными крестными процессиями. У него можно найти описание празднования Новолетия, которое ему довелось видеть в Москве 1 сентября (по ст. ст.) 1634 г.: «Процессия, которую устроили русские, справляя этот праздник, была очень красива на вид, — писал Олеарий. — На Кремлевской площади собралось более 20 тыс. человек, молодых и старых. На Верхнюю площадь вышел патриарх со всем клиром, почти с 400 священниками в священническом убранстве, с очень многими хоругвями, иконами и раскрытыми старыми книгами. Они вышли из церкви, лежащей по правую руку, если подниматься вверх. Его царское величество, со своими государственными советниками, боярами и князьями, вышел с левой стороны площади. Великий князь с обна-

женной головой и патриарх в епископской митре, оба поодиночке, выступили вперед и поцеловали друг друга в уста. Патриарх также подал его царскому величеству, чтобы тот мог приложиться, крест с пядень длиною, осыпанный большими алмазами и другими драгоценными камнями. Затем он во многих словах произнес благословение его царскому величеству и всей общине, а также пожелал всем счастья в новом году. Тут стояло бесчисленное количество русских, державших вверх свои прошения. Со многими криками они бросали эти прошения в сторону великого князя; потом прошения эти собирались и износились в покои его царского величества. Затем, в чинной процессии, каждый опять вернулся на свое место»¹⁶.

Находясь в составе посольства в Москве, Олеарий скрупулезно отмечал наиболее примечательные церковные события, особенно те, которые происходили с участием патриарха Иоасафа I. В том же 1635 г. немецкий посланник присутствовал при торжественном праздновании Покрова Пресвятой Богородицы и подробно описал свои впечатления¹⁷. В 1636 г. Олеарий совершил свое второе путешествие в Россию, причем ему снова довелось присутствовать на торжественной церемонии. На этот раз в своих записках под 10 апреля он сообщал, что в «Вербное воскресенье русские торжественной церемонией справляли праздник входа Господня в Иерусалим». Подробно описав это празднество, он сообщает о том, что «это Вербное воскресенье и в других русских городах справляется с подобной же торжественностью: патриарха при этом заменяют епископы или священники, а великого князя — воеводы»¹⁸.

Патриарх Иосиф (1642—1652). 28 ноября 1640 г. патриарх Иоасаф скончался. Архимандрит Московского Симонова монастыря Иосиф был избран и 27 марта 1642 г. возведен на престол патриархов Московских и всея России¹⁹. Вот что писал по этому поводу Олеарий: «Как только патриарх избран, ему вручается вводная грамота за подписями и печатями избирателей (в обозначение того), что он признан достойным и с огласия их всех избран справедливым образом. К этому еще его царское величество прибавляет свою конфирмацию или утверждение»²⁰.

Олеарий довольно объективно пишет о тогдашнем положении патриарха в России: «Патриарх после великого князя имеет наибольшую честь и власть в стране. Он судья над духовными в делах, которые не подлежат одному лишь светскому праву, ему принадлежит надзор над религиозными делами, добрыми нравами и христианским обра-

зом жизни; что ему при этом представится правильным, он по усмотрению своему устраивает, учреждает и упраздняет, предоставляя великому князю исполнение. В его предприятиях ни великий князь, ни вообще кто бы то ни был, не имеет права советовать, ни того менее противоречить ему»²¹.

О патриархе Иосифе, как и о его предшественнике Иоасафе I, нужно сказать, что он был несомненным сторонником просвещения. Это видно из напечатанной при нем в Москве грамматики с предисловием, в котором доказывается необходимость просвещения. В 1649 г. патриарх Иосиф благословил печатание «Кормчей» — главного церковно-канонического кодекса Русской православной церкви.

В последние годы жизни патриарха Иосифа (сконч. 15 апреля 1652 г.) при дворе царя Алексея Михайловича (1645–1676) образовался кружок «ревнителей благочестия» — священников и архимандритов во главе с духовником царя протопопом Стефаном Вонифатьевым. В кружок этот вошел и архимандрит Московского Новоспасского монастыря Никон Минин (впоследствии патриарх). Здесь рождались замыслы церковной реформы. Об этом сообщал Олеарий своим многочисленным читателям: «Предыдущий патриарх (Иосиф. — *а. А.*), а в особенности нынешний (Никон. — *а. А.*) изменили и отменили очень много вещей в стране, которые в течение долгого времени были в употреблении, и ввели новшества, как я неоднократно уже упоминал об этом»²².

Патриарх Никон (1652–1658). В марте 1649 г. архимандрит Никон был избран на кафедру митрополита Новгородского. В 1652 г. он участвовал в перенесении мощей святителя митрополита Филиппа из Соловецкого Спасо-Преображенского монастыря в Москву. По желанию царя в Москве в Успенском соборе перед мощами святителя Филиппа он дал согласие на принятие патриаршего сана. 25 июля 1652 г. в возрасте 47 лет он был возведен в патриархи. «Нынешний патриарх называется Никон, — писал Олеарий. — Это человек лет 40, свежий и энергичный; он живет в Кремле в великолепном дворце, который он сам для себя велел построить; доставляет себе все удобства, соответствующие их обычаям»²³.

Как и патриарх Филарет, патриарх Никон носил титул Великого государя, и без него не решалось ни одно государственное дело. При содействии патриарха в 1654 г. свершилось воссоединение Украины с Россией. Будучи властной личностью, патриарх Никон стремился к усилению патриаршей власти в противовес власти царя. Вот что

писал по этому поводу И.Г. Фоккеродт: «Во время малолетства царя Алексея Михайловича духовенство нашло хитрого и предприимчивого мужа, с высоким и гордым духом, для возведения на патриарший престол. Этот старался привести величие своего сана опять в то положение, как было во время патриарха Филарета, объявил притязания на все преимущества, какие имел тот, гнал и теснил иностранцев, которых начинал слушаться царь, присвоил себе неограниченную власть во всех духовных и многих гражданских делах»²⁴.

Как известно, предпринятые патриархом Никоном (в соответствии с тогдашней греческой практикой) унификация церковных обрядов и исправление богослужебных книг привели к старообрядческому расколу. Тяжелые последствия вызвали действия патриарха Никона и в церковно-политической сфере. Энергичная деятельность Никона и вмешательство в мирские дела вооружила против него бояр. Враги патриарха стремились поссорить его с царем. 8 июля 1658 г. царь против обыкновения не прибыл на патриаршее богослужение. Патриарх Никон 10 июля 1658 г. всенародно отрекся от патриаршей власти и удалился в основанный им Новоиерусалимский Воскресенский монастырь под Москвой.

27 декабря 1666 г. на Соборе в Москве при участии патриархов Александрийского Паисия и Антиохийского Макария патриарх Никон был признан виновным в том, что произносил хулы на царя, что был жесток к подчиненным. Патриарх был осужден, лишен сана и простым монахом заточен в Ферапонтов, а затем в Кирилло-Белозерский монастырь²⁵. Вот как излагает эти события И.Г. Фоккеродт, повествуя о низложении патриарха Никона по приказу царя Алексея Михайловича: патриарх «получил уже так много значения и доверия в народе, что царь не осмелился низложить его своей властью, а созвал для этой цели Собор в Москве, и из боязни, чтобы его духовенство не стало пособлять скорее своему верховному пастырю, чем соблюдать выгоды своего государя, он должен был с большими расходами выписать в Москву каких-то низложенных восточных патриархов. Они не хотели остаться непризнательными к тем огромным деньгам, какие царь издержал на них, и довели своею властью это дело до того, что патриарх по предъявлении Собору обвинительных статей против него был лишен сана и заключен в монастырь неподалеку от Москвы»²⁶.

В 1681 г. патриарх Никон получил разрешение вернуться в Новоиерусалимский монастырь, но скончался по дороге, около Ярославля,

17 августа 1681 г. Благоустроенный патриархом Никоном Новоиерусалимский монастырь по-прежнему был местом паломничества; навещался он и иностранными гостями. В записках брауншвейгского резидента в Москве Вебера, относящихся к Петровской эпохе, подробно описываются впечатления от посещения Новоиерусалимской обители в марте 1716 г. «В этот монастырь, — сообщает Вебер, — стекается множество паломников, и он у них в большом уважении, потому что патриарх Никон устроил его внутри по образу Св. Гроба Иерусалимского, самым точным образом, сообразно его величине, украшению и всем вообще принадлежностям, при посредстве нескольких искусных мастеров-строителей, которых он нарочно для этого посылал в Иерусалим; и сооружение это стоило громадных издержек»²⁷.

В этом монастыре Вебер осмотрел те церковные достопамятности, которые традиционно посещали многочисленные русские паломники, прибывавшие в эту обитель со всех концов страны. «Перед дверью Гроба, у отваленного камня, где нарисована стража, тускло горела лампада, у которой сидел старый монах и просил подавания, — вспоминал Вебер. — Осмотрев все замечательное, равно как и гроб погребенного там же патриарха Никона, золотую церковную утварь и всю остальную сокровищницу, пошел я к архимандриту или настоятелю монастыря»²⁸.

В 1658 г. в нескольких сотнях метров от соборного храма, на берегу реки Истры, был устроен скит святейшего патриарха Никона. Здание скита было воздвигнуто в виде жилой башни, где имелось два небольших храма. В беседе с настоятелем немецкий паломник узнал, что «в четверти мили» от монастыря находится пустынь, в которой патриарх Никон прожил будто бы целых 20 лет. Несмотря на то что вокруг лежал глубокий снег, Вебер добрался до этой обители, затратив на дорогу почти два часа. «Я много слышал об этом замечательном Никоне, и т.к. русские чтут его весьма высоко, то мне крайне хотелось взглянуть на это уединенное место»²⁹, — пояснял Вебер свой поступок, необычный для дипломата его ранга.

Войдя в этот скит, брауншвейгский посланник обнаружил там «весьма небольшую каменную часовню, окруженную несколькими деревьями и деревянным тыном». «Два окаменевшие от дряхлости монаха, — продолжает Вебер, — услышав произведенный нами шум, вышли к нам, изумились сначала такому необычайному посещению, но потом успокоились после приветствий и объяснений моего дьяка, и повели меня во двор, где по чрезвычайно узкой каменной винто-

образной лестнице, устроенной так, что в ней едва мог пройти один человек, я протеснился вверх и прежде всего вошел в маленькую часовню, в которой патриарх совершал свое одинокое богослужение; часовня эта была около сажени в длину и столько же в ширину. Жилой покой был немногим более, и в нем висела широкая железная пластинка с медным изображением креста, на тяжелой цепи, что все вместе весило более 20 фунтов. И такой-то крест помянутый патриарх целые 20 лет, день и ночь, не снимая, носил на шее. Место для сна длиною было два локтя и шириной едва один локоть; вся постель состояла из четырехугольного камня, на котором никакой подстилки не было, кроме тростниковой, которая доселе хранится в монастыре и показывается; ибо богомольцы смотрят на нее как на святыню и наполовину уже повыдергали из нее тростинки. Внизу этой хранины была небольшая печь, в которой патриарх варил себе снесь. Помянутые два старца живут зиму и лето в этой пустыне и существуют подаянием от приходящих сюда богомольцев»³⁰.

Патриарх Никон был погребен по патриаршему чину и в разрешительной грамоте православных патриархов, присланной после его кончины, признан невиновным и назван «Божественных и священных канонов оберегателем... преданий неизреченным ревнителем и защитником достойнейшим».

Патриарх Иоасаф II (1667–1672). Большой Московский собор 1666–1667 гг., осудивший патриарха Никона и некоторые его распоряжения и действия, одобрил главное его деяние — исправление богослужебных книг. Собор отменил постановления Стоглавого собора 1551 г. о двоеперстии и других обрядах, восстановил судебные привилегии Русской церкви и издал правила, касающиеся богослужебной практики.

Утомленный борьбой с патриархом Никоном, царь Алексей Михайлович и епископы избрали на патриарший престол престарелого и скромного архимандрита Троице-Сергиевой Лавры Иоасафа³¹. Это произошло вскоре после низложения патриарха Никона в 1667 г. По этому поводу Фоккеродт замечает, что «царь Алексей возвел на патриарший престол одного простоватого старичка, от которого не мог опасаться никакого беспокойства: он, как и все его преемники, держался этого правила постоянно, при всяком упразднении патриаршего престола»³². Но все же в дальнейшем патриарх Иоасаф II и его преемники — Питирим, Иоаким, Адриан — добивались проведения в жизнь постановлений Большого Московского собора.

Говоря о преемниках патриарха Иоасафа II, скончавшегося в 1672 г., Фоккеродт замечает, что «последующие патриархи хотя и пользовались наружною почестью и уважением, также очень значительными доходами, но в политических делах почти совсем не выдвигались вперед, оставались в страдательном (пассивном. — *а. А.*) положении и вполне подчинялись воле своих государей»³³.

Патриарх Адриан (1690–1700). 24 августа 1690 г. на патриарший престол был возведен митрополит Казанский Адриан. В русских исследованиях, посвященных патриарху Адриану, сложился образ старца, «ветхого деньми», простого, доброго и смиренного. У Фоккеродта это смирение патриарха оценивалось как попустительство злоупотреблениям, которые допускал Петр I на пути к абсолютной власти. По словам немецкого автора, патриарх Адриан «смотрел совершенно спокойно, как Петр I сажал в монастырь сестру Софию, как приказывал казнить жестокими муками многих священников и монахов, сделавшихся участниками в ее происках или, по крайней мере, очень свободно рассуждавших о его поведении; как брал колокола с церковей для возобновления потерянной при Нарве артиллерии; достаивал дружеского обхождения и доверия еретиков, по постам явно ел мясо, безбоязненно нарушал и другие церковные уставы; как стриг бороды русским, заставлял их носить французское платье и вводил бесчисленное множество других обычаев, которые были ужасом для русских, особливо для духовенства»³⁴.

Но в первые годы своего патриаршества святейший Адриан все же пытался оказывать некоторое влияние на государственные дела; в своей борьбе против нежелательных влияний он встретил препятствие в лице царя Петра I. Патриарх Адриан не одобрял крутой ломки обычаев и традиций, выступал против подражания Западу в обычаях. Это противостояние стало одной из причин упразднения патриаршего управления в Русской церкви после смерти патриарха Адриана (сконч. 15 октября 1700 г.).

УПРАЗДНЕНИЕ ПАТРИАРШЕСТВА, УЧРЕЖДЕНИЕ СИНОДА

С 1700 г. Московская патриаршая кафедра вдовствовала. В Петровскую эпоху многие иностранцы, приглашенные в Россию, были свидетелями перемен в церковной жизни страны. О том, что Петр I фактически возглавил управление церковными делами, пишет И.Г. Фоккеродт: «В иерархии и благочинии Русской церкви Петр I

задумал разные существенные перемены и большей частью привел их к счастливому концу. Самой важной исходной точкой всех других было уничтожение патриаршества в Москве и объявление Петром I себя верховным епископом или главою своей церкви»³⁵.

В другом месте своей книги Фоккеродт развивает взгляды на значение и смысл церковных реформ, предпринятых Петром I после смерти патриарха Адриана: «Несмотря на то что русские цари благодаря долгому упражнению уже изучили искусство так сдерживать патриаршескую власть, что она не могла причинить никакого ущерба государевой, Петр I во избежание разных случаев считал гораздо вернее и выгоднее для своих намерений уничтожить совсем этот сан и так направить духовенство, чтобы оно никого не признавало своим верховным епископом, кроме своего государя. Выгоды, которые вышли бы тогда для него, были бы так явны, что ему нечего было колебаться долго»³⁶.

На должность местоблюстителя патриаршего престола Петр I назначил митрополита Стефана (Яворского). У Фоккеродта приводится любопытное объяснение тех причин, по которым митрополит Стефан смог завоевать расположение царя. В русских консервативных кругах ходили упорные слухи о том, что Петр I — антихрист; на эту тему были даже написаны сочинения. Как сообщает Фоккеродт, одну из таких книг «взялся опровергнуть один монах, львовский уроженец, по имени Стефан Яворский, незадолго перед этим пришедший в Россию поискать себе счастья... Одно из самых главных доказательств, почему Петр не антихрист, выводилось из того, что антихристово число 666 никакой каббалой нельзя было составить из имени Петра»³⁷.

По словам Фоккеродта, это сочинение так понравилось Петру I, что он велел распространить его посредством печати, а Яворского назначил Рязанским епископом. А т.к. «Яворский сверх того имел свободный дар слова, в состоянии был написать проповедь на иезуитский лад, притом умел и подделываться, заявляя притворно слепое повиновение всем приказаниям Петра, то этот и подумал, что нашел в нем не только способного человека, но и такое орудие, которое без противоречия позволит себя употребить для исполнения его намерений, и в такой уверенности объявил его экзархом или наместником патриаршества»³⁸.

Приступая к проведению церковной реформы, Петр I не стремился разрушить основы церковной жизни во что бы то ни стало, но лишь хотел ограничить влияние православной иерархии. Он был религиоз-

ным человеком при всех его личных недостатках. Не терпя культового суеверия, Петр I любил церковное благолепие и участвовал в богослужении. Об этом писал, например, брауншвейгский резидент Вебер, отмечая, что «при наступлении дня Нового года по новому календарю царь в 4 часа утра отправился в церковь, и т.к. день этот считается одним из самых больших праздников, то царь сам пел в церкви и читал пред алтарем Апостол, что обыкновенно делает он теперь со времени упразднения патриаршества»³⁹.

Те средства, которые по воле Петра переходили от церкви в государственную казну, использовались им для укрепления позиций России в Европе. Тот же Вебер в марте 1716 г. писал по этому поводу следующее: «Лет 10 с небольшим назад, когда еще неудачная война со шведами требовала значительных денежных сумм, все епископские и монастырские имения были, по совету тайного советника и графа Мусина-Пушкина, отобраны и причислены к уделу его царского величества. Но в 1711 г. епископам возвратили имения их назад, может быть, ради того, чтобы по случаю предстоявшей тогда войны с турками отнять все поводы ко внутренним беспокойствам, обложив налогом. Кроме того, его величество оставил за собой и патриаршие имения, упразднив самое достоинство это со смертью последнего патриарха Адриана и возложив отправление обязанностей по этому сану на архиепископа Рязанского как экзарха патриаршего престола», — так завершает Вебер свое повествование, замечая при этом, что «т.к. его царское величество до сих пор не находит нужным назначить патриарха, то церковное управление лежит на собственных его высоких заботах, а после него ведается митрополитами, архиереями, в мужских монастырях — архимандритами, а в женских — игуменьями»⁴⁰.

В ходе осуществления церковной реформы Петр I не мог не столкнуться с серьезными препятствиями. Недовольное духовенство подчинило своему влиянию старшего сына Петра I царевича Алексея (1690—1718) и настроило его против реформ отца. Когда Алексей жался своему духовному отцу, протопопу Якову Игнатову о том, что желает смерти своему отцу, духовник сочувственно ему отвечал: «Мы все желаем ему смерти». В заговоре было много лиц, и среди них — епископ Ростовский Досифей, митрополит Киевский Иоасаф (Кроковский) и другие архиереи. Заговор был раскрыт; царевич Алексей был вынужден прочесть акт отречения от престолонаследия в пользу Петра Петровича — младшего сына Петра I.

В 1718 г. царевич Алексей был приговорен к смертной казни; состоялся суд и над опальными архиереями: их должен был судить Церковный собор, созванный по требованию Петра I. О том, какая борьба развернулась на Соборе, красочно повествует Вебер. «Известно уже, что власть духовенства теперь ограничена; но несмотря на то царь сам не лишает никого из духовных сановников служебного сана, а созывает для этого духовные чины, — пишет брауншвейгский посланник. — Поэтому-то при лишении сана судимого в Москве архиепископа Ростовского происходили такие частые прения: ибо господа члены духовенства отговаривались тем, что за неимением патриарха они не могут лишить своего товарища его звания; когда же эти духовные чины на вопрос царя о том, могут ли они возвести и облачить кого-либо в архиепископы, отвечали: “Могут”, то он изрек такое решение: “Ну так вы можете и низвести его и разоблачить”»⁴¹.

Лишенный Собором сана и отданный на суд гражданской власти, епископ Ростовский Досифей был казнен; митрополит Иоасаф, вызванный на Собор, умер от волнения по дороге из Киева. По этому поводу Вебер замечает: «Замешанный в последнем большом следственном деле, Киевский епископ вытребован был оттуда в Петербург, но на дороге он умер, и полагали, что он сам лишил себя жизни, отравившись ядом»⁴².

Нестроения в церковной жизни продолжались, и, желая оградить свою деятельность по преобразованию Российского государства от влияния церкви, которое не всегда соответствовало его позиции, Петр I наконец произвел реформу церковного управления. 1 января 1721 г. он учредил так называемую Духовную коллегия, начавшую свое бытие 14 февраля 1721 г. под наименованием Святейший Правительствующий Синод, ставший высшей церковной властью Русской православной церкви.

Близкие отношения с членами Синода сложились у Берхгольца — камер-юнкера при герцоге Голштинском Карле Фридрихе. В дневнике, веденном Берхгольцем во время его пребывания в России в 1721—1725 гг., имеется следующая запись: под 1 апреля 1722 г. он сообщает, что «у его высочества (герцога Голштинского. — *a. A.*) были с визитом архиепископ Новгородский, архиепископ Псковский и еще один член Синода. Они были отлично приняты и угощаемы разными винами»⁴³. В свою очередь, немецкий посланник наносил ответные визиты членам Синода; в апреле того же 1722 г. он побывал на приеме у архиепископа Новгородского и, пользуясь случаем, попросил находивше-

гося там архимандрита Троице-Сергиевой лавры подробно рассказать ему о структуре этого нового церковного органа.

Его просьба была уважена; как сообщал Берхгольц, «архимандрит Троицкий просил меня взять перо и продиктовал мне следующее. Глава и первый президент Синода — император; второй его президент — митрополит Рязанский, который теперь первенствующий между здешними духовными сановниками, но так стар и слаб, что уже не присутствует в Синоде. Далее в Синоде еще 2 вице-президента, 5 советников и 5 ассессоров; из последних, впрочем, здесь (в Москве. — *а. А.*) архиепископ Псковский; советниками: первым — архиепископ Крутицкий, который живет постоянно в Москве; вторым — он, архимандрит Троицкий, третьим — архимандрит Чудовский, четвертым — архимандрит Новоспасский и пятым — архимандрит Симоновский»⁴⁴.

В эти годы государственный характер приобрели и некоторые церковные празднества. Так, описывая в 1722 г. крестный ход и чин водосвятия на Москве-реке в праздник Богоявления, Берхгольц отмечает, что при этом присутствовало «восемь полков, в числе 14 тыс. человек, поставленных в три ряда», причем «во время шествия духовенства император ходил взад и вперед перед полками и командовал, не оставившись ни на минуту»⁴⁵.

Тем не менее праздничное шествие, как и в прежние времена, отличалось роскошью, и Берхгольц замечает, что «процессия здешнего духовенства была великолепна, и я едва ли видел когда-нибудь подобную». «Впереди шло до четырехсот диаконов или капланов, потом — более 20 священников в разноцветных одеяниях и ризах из золотой и серебряной парчи, осыпанных жемчугом и богато вышитых, — продолжает немецкий автор. — За ними следовали епископы и архиепископы, также в своих богатых облачениях и больших круглых митрах, украшенных золотом, драгоценными камнями и жемчугом; они держали в руках епископские жезлы и, подобно прочим, свечи, а их великолепные длинные мантии, подбитые горностаем, были несены позади их. Перед архиереями несли множество икон, распятий и других священных предметов... За епископами следовало много монахов в черных одеяниях, так что вся процессия состояла из слишком тысячи человек»⁴⁶.

Берхгольц подробно описывает и приготовления, которые были сделаны на Москве-реке для совершения водосвятия: «Во льду вырубали большое четырехугольное отверстие и над ним поставили довольно высокую беседку, круглую и со всех сторон открытую. Посре-

дине, над отверстием, висел деревянный резной голубь, вероятно для изображения Св. Духа. Внутри беседки, кроме других предметов, было написано и Св. Крещение Иисуса Христа. Для архиепископа был устроен в воде деревянный осмоленный ящик, в который он сошел во время освящения, чтобы быть ближе к воде, и действительно казался стоящим в ней. Стоявшие вокруг епископы и прочие знатные духовные лица молились, пели, читали, кадили. Был сделан также род возвышения, где сиживали при этой церемонии прежние цари»⁴⁷.

И далее в повествование Берхгольца вновь врывается светский элемент: Петр I, присутствовавший на торжествах, не преминул отметить могущество государственной власти, опиравшейся на силу войск. «Когда архиепископ трижды погрузил в воду небольшой серебряный крест, которым она освящается, — сообщил Берхголец, — император, стоявший перед фронтом своих полков, сам скомандовал стрелять, и весь отряд по окончании пушечной пальбы исполнил беглый огонь, но не совсем удачно, потому что снег валил страшно. После водоосвящения духовенство в том же порядке возвратилось в главную церковь, а за ним и полки один за другим отправились на свои сборные места»⁴⁸.

В том же 1722 г. в составе Синода произошли важные перемены: в записи под 27 ноября Берхголец сообщил о печальном событии: «Поутру мы узнали, что в этот день скончался митрополит Рязанский (Стефан Яворский. — *а. А.*), знатнейшее духовное лицо во всей России и второй президент Синода. Ему было от 70 до 80 лет, и он уже давно не вставал с постели»⁴⁹.

Реализация реформ, насильно внедрявшихся Петром I в жизнь Русской церкви, обеспечивалась личным участием императора в заседаниях Синода. Но после его смерти, последовавшей в 1725 г., сразу же была предпринята попытка возрождения прежних традиций. Она была связана с именем Феодосия (Яновского), которого сам Петр I в 1712 г. поставил во главе петербургского Александро-Невского монастыря, а в 1716 г. приказал назначить его архиепископом Новгородским. Но в конечном счете Петр ошибся в Феодосии Яновском, который сразу же после кончины императора оказался в лагере его противников. Вот что сообщал по этому поводу в письме от 15 мая 1725 г. Густав фон Мардефельд — прусский королевский посланник при русском дворе (с 1717 по 1730 г.): «Архиепископ Новгородский (Феодосий Яновский. — *а. А.*), первое духовное лицо в государстве, подвергнут опасному следствию и, по слухам, совершил государ-

ственную измену. Его намерение было сделаться незаметным образом патриархом. Для этой цели он сделал в Синоде, и притом с внесением в протокол, следующее предложение: председатель теперь умер, император был тиран, который не уважал религии, а напротив, лишил духовенство его собственности; императрица (Екатерина I, 1725—1727 гг. — *a. A.*) не может предстоять церкви, а следовательно, дошла теперь очередь до него сделаться председателем Синода. Весь Синод объявил ему, что они и знать ничего не хотят о его председательстве. Чем был император, тем же теперь императрица, без приказаний которой они ничего не предпримут»⁵⁰.

Попытка Феодосия Яновского окончилась плачевно: он был послан в Никольский Корельский Архангельский монастырь. В дневнике Берхгольца под 12 мая 1725 г. имеется следующая запись: «В этот день торжественно, с барабанным боем, обнародован был приговор, произнесенный над архиепископом Новгородским, знатнейшим духовным лицом в России, и удивительно, что о нем, сколько слышно, никто не сожалеет, напротив, все, как знатные, так и незнатные, говорят, что с ним поступлено слишком милостиво, если строго принять в соображение его преступления»⁵¹. А Мардефельд, присутствовавший в Петербурге при всех этих событиях, сообщал: «Меня уверяют, что будто он (Феодосий Яновский. — *a. A.*) привезен в крепость и за свое безрассудство посажен под стражу и будто он выказывает возможную покорность, чтобы только получить помилование, что навряд ли будет иметь успех»⁵².

Попытки восстановления патриаршества предпринимались и позднее — в 1742 и 1744 гг. при императрице Елизавете Петровне, но они также окончились неудачно⁵³. Двухсотлетний синодальный период характеризовался тесной зависимостью церкви от государственной власти. Однако духовные силы Русской церкви не оскудели. Синодальный период дал большую плеяду выдающихся иерархов, богословов, проповедников, подвижников благочестия.

1. *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. Л., 1925. С. 87.

2. Там же. С. 101.

3. *Фоккеродт И.Г.* Россия при Петре Великом. М., 1874. С. 6.

4. Там же. С. 6.

5. Описание заседаний Собора и чина интронизации см.: *Арсений, епископ Елассонский.* Пришествие в Россию Иеремии // Журнал Министерства народного просвещения. 1840. Ч. 25. Отд. II. С. 37—52.

6. *Шиль М.* Донесение о поездке в Москву. М., 1875. С. 11.

7. Там же. С. 17.
8. Вебер Ф.Х. Записки о Петре Великом и об его преобразованиях // Русский архив. 1872. № 6–8. С. 1362.
9. 17 июля 1610 г. Василий Шуйский был низведен с престола.
10. Буссов К. Московская хроника 1584–1613 гг. М.; Л., 1961. С. 185.
11. Чин наречения и поставления см.: Древняя российская вивлиофика. 1788. Ч. VI. С. 125–162.
12. Фоккеродт И.Г. Указ. соч. С. 22.
13. Там же. С. 7.
14. Там же.
15. Оlearий А. Описание путешествия в Московию. СПб., 1906. С. III (предисловие).
16. Там же. С. 41–42.
17. Там же. С. 50.
18. Там же. С. 138.
19. Чин избрания на патриаршеский Российский престол, 1640 г. // Древняя российская вивлиофика. 1788. Ч. VI. С. 223–245.
20. Оlearий А. Указ. соч. С. 328.
21. Там же. С. 328.
22. Там же.
23. Там же.
24. Фоккеродт И.Г. Указ. соч. С. 8.
25. Деяние о низложении с престола бывшего патриарха Никона, в лето 7175 (1667) происходившее // Древняя российская вивлиофика. 1788. Ч. VI. С. 282–295.
26. Фоккеродт И.Г. Указ. соч. С. 8–9.
27. Вебер Ф.Х. Записки о Петре Великом и об его преобразованиях // Русский архив. 1872. № 6–9. С. 1372.
28. Там же. С. 1373.
29. Там же.
30. Там же. С. 1374.
31. Деяние 15-е о избрании на патриаршеский престол Иоасафа, Троицкого монастыря архимандрита, в лето 7175 (1667) // Древняя российская вивлиофика. 1788. Ч. VI. С. 295–297.
32. Фоккеродт И.Г. Указ. соч. С. 9.
33. Там же.
34. Там же.
35. Там же. С. 5.
36. Там же. С. 9.
37. Там же. С. 10.
38. Там же.
39. Вебер Ф.Х. Указ. соч. С. 1149–1150.
40. Там же. С. 1374.

41. Там же. С. 1448.
42. Там же. С. 1617.
43. Дневник камер-юнкера Берхгольца. М., 1860. Ч. II. С. 172.
44. Там же. С. 203.
45. Там же. С. 24.
46. Там же.
47. Там же. С. 24–25.
48. Там же. С. 25.
49. Там же. С. 327.
50. Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1875. Т. 15. С. 284.
51. Дневник камер-юнкера Берхгольца. Ч. II. С. 172.
52. Сборник РИО. Т. 15. С. 285.
53. *Молчановский А.* Два проекта восстановления патриаршества в России в XVIII в. (1742 и 1744 гг.) // Журнал Московской патриархии. 1944. № 12. С. 52–57.